

Российские дипломаты в Испании и Антонио Угарте в 1812–13 годах: противоречивое сотрудничество

© Е.Э. Юрчик, 2023

Юрчик Екатерина Эдуардовна, канд. ист. наук, доцент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
119192, Москва, Ломоносовский проспект, 27, корп.4
E-mail: iourtchik@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются казусы, связанные с историей российско-испанских отношений во время Войны за независимость Испании, в первый год действия союзного договора между двумя державами. На основе архивных материалов анализируются особенности взаимодействия российских дипломатов в Испании – П.О. Моренгейма и Ю.А. Валленштейна – с испанским бюрократам Антонио Угарте-и-Ларрасабалем, ответственным за сохранность имущества и архива российской миссии в Мадриде в 1812 – 1813 годах. Тем самым раскрывается специфика российской дипломатической активности в чрезвычайной обстановке освободительной войны, в условиях, когда в Испании отсутствовал полномочный представитель России. Начальный период российско-испанского взаимодействия на Пиренейском полуострове после заключения трактата в Великих Луках пока представлен в историографии в самом общем виде; биографии и деятельность его участников исследована фрагментарно. Источники, использованные в статье, позволяют детализировать исторический контекст и реконструировать взаимоотношения российских и испанских дипломатов, их представления о целях сотрудничества, препятствия, которые им пришлось преодолевать. Российские интересы в Испании, благодаря распоряжениям поверенного в делах России в Испании П.О. Моренгейма, после его вынужденного отъезда из страны обеспечивались за счет равновесия между официальной деятельностью испанского представителя и активностью российского агента Валленштейна, дипломатический статус которого был сомнительным. Со своей стороны, Угарте, доверенное лицо российской миссии, ориентировался на указания Регентского совета и стремился установить свою монополию на дела российского посольства, включая информирование правительства Российской империи о положении в Испании. Несмотря на личное соперничество российского и испанского представителей, обе стороны сумели избежать конфликта и создали основу для развития союзных отношений между Испанией и Россией.

Ключевые слова: российско-испанские отношения, война за независимость Испании, российские дипломаты в Испании, Антонио Угарте-и-Ларрасабаль

Для цитирования: Юрчик Е.Э. (2023) Российские дипломаты в Испании и Антонио Угарте в 1812–13 годах: противоречивое сотрудничество. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 146–162. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-146-162

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Diplomáticos rusos en España y Antonio Ugarte entre 1812 y 1813: la colaboración contradictoria

© E.E. Yúrchik, 2023

Ekaterina E. Yúrchik, PhD (Historia), Profesora titular en la Facultad de Historia de la Universidad Estatal de Moscú Lomonósov.
119192, Rusia, Moscú, avenida Lomonosovsky, 27, edificio 4
E-mail: iourtchik@mail.ru

Resumen. En artículo se estudian los casos en la historia de las relaciones ruso-españolas durante la Guerra de la Independencia, precisamente en el primer año del Tratado de la Alianza entre ambas potencias. Basándose en la documentación archivista, se analiza la interacción de Pável Mohrenheim y Yuli Wallenstein, los diplomáticos rusos, con Antonio Ugarte y Larrazábal, el burócrata español, responsable de la propiedad y el archivo de la Legación rusa en Madrid entre 1812 y 1813. Se revelan las características de la diplomacia rusa en la situación extraordinaria de la Guerra de la Independencia y en la ausencia del representante plenipotenciario de Rusia en España. El período inicial de la colaboración ruso-española en la Península Ibérica después de la concertación del Tratado en Velikiye Luki todavía se presenta en la historiografía desde el aspecto general; las biografías y actividades de sus participantes no han sido estudiadas en detalle. Las fuentes primarias desarrolladas en el artículo permiten reconstruir tanto el contexto histórico y las relaciones entre los diplomáticos rusos y españoles, como su percepción de la cooperación y los obstáculos que tuvieron que superar. Gracias a las órdenes de Pável Mohrenheim, el Encargado de Negocios de Rusia, antes de su forzosa salida de España, los intereses rusos en España quedaron asegurados tras el equilibrio de los negocios oficiales del representante español y la actividad de Wallenstein, el agente ruso con el estatus diplomático dudoso. Por su parte, Ugarte, el Apoderado de la Legación rusa, se guió por las instrucciones del Consejo de Regencia y buscó establecer su monopolio sobre los asuntos de la embajada rusa, incluso informar al Gobierno Imperial Ruso sobre la situación en España. A pesar de la rivalidad personal entre los representantes ruso y español, ambos lograron evitar el conflicto y sentaron las bases para el desarrollo de las relaciones aliadas entre España y Rusia.

Palabras clave: relaciones ruso-españolas, Guerra de la Independencia española, diplomáticos rusos en España, Antonio Ugarte y Larrazábal

Para citar: Yúrchik E.E. (2023) Diplomáticos rusos en España y Antonio Ugarte entre 1812 y 1813: la colaboración contradictoria. *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 146–162. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-146-162

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Russian diplomats in Spain and Antonio Ugarte (1812-1813): the controversial cooperation

© E.E. Yurchik, 2023

Ekaterina E. Yurchik, PhD (History), Assistant Professor at History Faculty of Lomonosov Moscow State University.
119192, Russia, Moscow, Lomonosovsky prospekt, 27, building 4
E-mail: iourtchik@mail.ru

Abstract. The article focuses on several cases in the history of Russian-Spanish diplomatic relations during the Spanish War of Independence, especially during the first year of the Alliance treaty between the two powers. Basing on the Russian and Spanish archives, the author studies the interaction of Pavel Mohrenheim and Yuly Wallenstein, Russian diplomats in Spain, with Antonio Ugarte y Larrazábal, the Spanish bureaucrat, responsible for the property and archive of the Russian mission in Madrid in 1812 – 1813. The article tends to reveal the characteristics of Russian diplomatic activity in the extraordinary war situation and in the absence of a plenipotentiary representative of Russia in Spain. The initial period of Russian-Spanish relations in the Iberian Peninsula after the conclusion of the treatise in Velikiye Luki is still presented in historiography in the most general form; the biographies and activities of its participants have not been studied in details. The primary sources used in the article enable to reconstruct the historical context and the relationship between Russian and Spanish diplomats, their perception of allied cooperation, and the obstacles they had to overcome. Thanks to the orders of Pavel Mohrenheim, the Chargé d’Affaires of Russia, given before his compelled departure from Spain, the interests of Russian Empire were ensured by balancing the official activities of the Spanish representative and the activity of the Russian agent Wallenstein, whose diplomatic status was doubtful. Ugarte, a trustee of the Russian mission, was guided by the instructions of the Regency Council and sought to establish his monopoly on the affairs of the Russian mission, including informing the Government of the Russian empire about the situation in Spain. Despite the personal rivalry between the Russian and Spanish representatives, both sides managed to avoid conflict and created the basis for the development of allied relations between Spain and Russia.

Keywords: Russian-Spanish relations, Spanish War of Independence, Russian diplomats in Spain, Antonio Ugarte y Larrazábal

For citation: Yurchik E.E. (2023) Russian diplomats in Spain and Antonio Ugarte (1812-1813): the controversial cooperation. *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 146–162. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-146-162

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

29 июля 1812 г. барон Павел Осипович Моренгейм, поверенный в делах Российской империи при правительстве Жозефа Бонапарта (José I Bonaparte, 1808 – 1813), выехал из Мадрида в Толедо в составе свиты «короля-самозванца», а в сентябре покинул Испанию. Накануне в депеше, предназначенной для отправки в Петербург, он сообщил, что оставляет резиденцию, имущество и часть архива посольства на «сохранение Антонио Угарте-и-Ларрасабалю, агенту Дании, честность которого здесь всем известна»¹. Так в российской дипломатической корреспонденции впервые появилось имя человека, которому будет суждено сыграть важную роль в развитии российско-испанских отношений после завершения освободительной войны. Услуги, оказанные им Моренгейму, станут основой долгого сотрудничества российских дипломатов с этим оборотистым испанцем, верным подданным Фердинанда VII (Fernando VII de España, 1806 – 1808, 1814 – 1833). Изучение их взаимодействия на завершающем этапе войны за независимость позволяет выявить особенности как социальных связей российских дипломатов в Испании, так и отношение представителей повстанческого Регентского совета к перспективам российско-испанского союза. Судьба имущества и архива российского посольства после его передачи на хранение испанцу – это казус, в котором раскрывается специфика взаимоотношений представителей двух держав в 1812 – 1813 гг., в начальный период действия Великолукского договора. Дипломатическая переписка и корреспонденция Регентского совета, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи и Национальном историческом Архиве Испании, позволяют проанализировать его как с российской, так и с испанской точек зрения.

Казус этот тем более привлекателен, что в исследовательской литературе он упоминается только в связи с возобновлением работы российского посольства в Мадриде по приезду Дмитрия Павловича Татищева в сентябре 1814 г. [Urquijo Goitia, 2013]. Биографии действующих лиц этой истории не разработаны. Деятельность П.О. Моренгейма в Испании исследована в основных чертах [Соколов, Ещенко, 2017a]. Сведения о Генрихе Юлии (Юлии Александровиче) Валленштейне, российском агенте в Испании после отъезда Моренгейма, недостаточны: его знают как первого российского консула в Бразилии, а реконструкция испанского периода его биографии только началась [Соколов, Ещенко, 2017b]².

Антонио Угарте (Antonio Ugarte y Larrazábal, 1766 – 1830), по сравнению с российскими дипломатами, – личность известная. На основе отзывов современников и сохранившихся материалов личного архива, в историко-

¹ П.О. Моренгейм – Н.И. Румянцеву. Мадрид. 28.07/9.08.1812. // Архив Внешней политики Российской империи (АВПРИ). Фонд 133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7528. Л. 225 об.

² К сожалению, исследование А.О. Ещенко осталось незавершенным.

графии за ним закрепились репутация фаворита Фердинанда VII, ультраконсерватора, корыстолюбивого интригана, одного из видных членов королевской камарильи в период «абсолютистского шестилетия» 1814 – 1820 гг. и второй Реставрации (до 1824 г.) [Ortiz de la Torre, 1934: 8-11; La Parra López, 2018: 323; Bustos, 2017: 216-217]. По мнению испанских историков, деятельность Угарте при дворе Фердинанда VII свидетельствует о реакционности

Антонио Угарте и его жена,
Мария Антония Ларрасабаль.
Висенте Лопес-и-Портанья. 1833

испанского правительства в целом, о личном произволе короля, который, опираясь на своих доверенных лиц, совершал политические ошибки. Одним из просчетов является потворство монарха усилению российского влияния на испанский международный курс, произошедшее благодаря связям Угарте с российским послом Д.П. Татищевым [La Parra López, 2018: 324-327; Schor Soler, 1984: 134; Eggers, Feune de Colombi, 1958: 69]. Сотрудничество с такой нечистоплотной персоной, как королевский фаворит, компрометирует лично Татищева, прибегавшего к якобы неприемлемым в дипломатии начала XIX в. методам действия, например, использованию личных связей и интриг. Это суждение основано на истории о продаже Испании российских кораблей в 1817 г., которая до сих пор представляется успешной интригой тандема Угарте-Татищев [Ortiz de la Torre, 1934: 10; Bustos, 2017: 216], вопреки аргументам, приведенным М.А. Додолевым и А.М. Шоп Солер [Додолев, 1984: 127-136; Schor Soler, 1984: 205-228]. В любом случае имя Угарте вписано в историю российско-испанских отношений. Однако в исследованиях речь идет преимущественно об одном ее периоде – времени после 1814 г., что объясняется известными источниками. Биография этого влиятельного политика до возвращения Фердинанда VII из французского плена известна плохо [Urquijo Goitia, 2013]. Думается, что сведения о его сотрудничестве с российскими дипломатами во время освободительной войны объяснят его дальнейшую политическую карьеру, тесно связанную с российской политикой в Испании.

Причины, побудившие российского представителя доверить агентские полномочия испанцу, связаны с особенностями российско-испанских отношений 1808 – 1812 гг. [Додолев, 1984: 20-75; Волосюк, 2014; Юрчик, 2018]. Восшествие в 1808 г. на испанский престол Жозефа Бонапарта и начало осво-

Жозеф Бонапарт,
Король Испании с 1808 по 1813 гг.

бодительной войны осложнили дипломатические отношения между Россией и Испанией. Союз с Первой империей определял общее направление внешней политики и условия международного взаимодействия обеих держав вплоть до вторжения французской армии в Россию в 1812 г. Тем не менее испанская война за независимость существенно изменила реальное положение дел. Фактически с 1808 г. в Испании установилось двоевластие: профранцузское правительство короля Жозефа и повстанческий Регентский совет, действовавший от имени «пленного» Фердинанда VII Бурбона, равным образом претендовали на законное представительство интересов испанского государства. Следуя Тильзитским обязательствам, Россия была вынуждена признать власть брата

Наполеона в Испании и после Эрфуртской встречи официально отказалась от вмешательства во французскую политику на Пиренейском полуострове. На самом деле Александр I предпочел двойную дипломатию. Соблюдая условия договора с Францией, российский император в то же время поощрял тайные переговоры с испанскими патриотами о заключении союзного соглашения, которое в конце концов было подписано 8 июля 1812 г. в Великих Луках.

Двойственность международной политики России в 1808 – 1812 гг. сказалась на деятельности российской миссии в Испании. С ноября 1808 г. в Мадриде не было российского посла: Г.А. Строганов уехал из страны, желая таким образом обеспечить своему правительству свободу маневра в изменчивой обстановке начала освободительной войны [Юрчик, 2017]. Три с лишним года российские интересы в Испании представлял секретарь посольства П.О. Моренгейм, не обладая при этом полномочным дипломатическим статусом. Получалось, что Петербург не разрывал отношения с наполеоновской Испанией, но и не придавал им полноценного значения. Только в августе 1811 г. Моренгейм был назначен временным поверенным в делах Российской империи при правительстве Жозефа Бонапарта. Все время своей службы в Испании он, тщательно соблюдая общую линию российско-французского союза, одновременно общался и с представителями повстанцев, и со штабом британской армии в Испании [Соколов, Ещенко, 2017а: 159–160, 162]. Депеши, которые ему удавалось отправлять в Петербург, содержали сведения как о французской политике на полуострове, так и о действиях

патриотов, включая конституционные дебаты в Кадисе. Моренгейм сумел наладить контакты с агентами Регентского совета³, которые впоследствии, в период Реставрации, сыграют важную роль в укреплении российских позиций в Испании.

Нападение Франции на Россию в июне 1812 г. и заключенный через три недели российско-испанский союз изменили положение российской миссии в Испании. Если для правительства Жозефа Бонапарта российские дипломаты стали представителями противника, то Регентство было готово их принять как союзников. Положение П.О. Моренгейма при дворе «короля-самозванца» оказалось сродни положению заложника⁴, но и уехать из страны, не имея инструкций от своего правительства, он не мог – нужны были проездные документы как для французской, так и для повстанческой зон. У дипломата не было и средств, чтобы самостоятельно путешествовать куда бы то ни было. Военная обстановка стремительно менялась, и принимать решение надо было быстро. 22 июля 1812 г. объединенные англо-испанские силы под командованием Веллингтона (Arthur Wellesley, 1st Duke of Wellington, 1769 – 1852) одержали победу при Арапилес и двигались к столице. Моренгейм, наученный опытом деятельности в неопределенных политических обстоятельствах, предпочел следовать за правительством Жозефа Бонапарта в Валенсию, причем деньги на поездку ему ссудил французский посол Лафорэ [Соколов, Ещенко, 2017а: 164].

В беседах с Лафорэ Моренгейм выражал надежду на свое скорое возвращение в столицу для выполнения представительских обязанностей при короле Жозефе, поскольку сомневался в том, что «император, его правитель, хотел прекратить свои отношения с королем» [Соколов, Ещенко, 2017а: 164]. Вряд ли подобные заверения действительно отвечали намерениям дипломата. В начале сентября он, пусть не без колебаний⁵, принял решение уехать из Испании во Францию, в Париж. Скорее всего, Моренгейм не знал, насколько длительным будет его отсутствие и вернется ли он в Испанию: французскому послу и главе профранцузского правительства Мигелю Асансе (Miguel José de Azanza, 1746 – 1826) Моренгейм говорил о «коротком сроке» предполагаемого отсутствия, в переписке с Угарте речь шла «о нескольких месяцах»⁶. Как бы то ни было, в Испанию он не вернулся. Российское посольство осталось без сотрудников: секретарь миссии Гесслер уехал вместе с Моренгеймом.

³ П.О. Моренгейм – Н.И. Румянцеву. Мадрид. 19/31.07.1812. // АВПРИ. Фонд 133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7528. Л. 211

⁴ [Неизвестные корреспонденты. Кадис. 8.10.1812] // 1812-1813. Morenheim (Baron). Sobre el archivo de la Legación de Rusia durante el reinado de José Bonaparte 1812-1813. En Archivo Histórico Nacional (AHN), Fondo ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 11.

⁵ Pável Mohrenheim a Antonio Ugarte. Valencia. 7.09.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 25; Ю.А. Валленштейн – Н.И. Румянцеву. Мадрид. 3/15.09.1812. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7530. Л. 159 об.

⁶ Pável Mohrenheim a Antonio Ugarte. Valencia. 7.09.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 25.

В то время Моренгейм не знал, что 8 июля 1812 г., в день подписания российско-испанского договора, канцлер Российской империи Н.И. Румянцев официальным письмом прекратил его полномочия в Испании и потребовал его выезда из страны «по примеру барона Строганова через любой порт Полуострова.., чтобы направиться в Петербург, либо через Швецию, либо напрямую»⁷. Это письмо было получено в Кадисе первым государственным секретарем Регентского совета 1 сентября вместе с текстом Великолуцкого договора. Через три дня кадисские власти выписали паспорт на имя Моренгейма с правом на проезд из Мадрида в Кадис. 15 сентября все эти документы достигли столицы, к тому времени занятой англо-испанскими войсками, но российский дипломат их не получил, ведь он уже был на пути во Францию. Конверты остались нераспечатанными⁸.

Глава посольства стремился организовать свой отъезд так, чтобы в случае изменения обстановки обеспечить возобновление работы миссии. Более того, Моренгейм не хотел оставлять свое правительство без оперативных сведений о состоянии испанской политики (информацию о действиях французов он рассчитывал сообщать сам). Нужны были доверенные лица, которым можно было поручить охрану резиденции, посольского имущества, включая его личные вещи, и агентурные обязанности. Выбор, в сущности, был невелик.

В испанском кругу общения Моренгейма заметной фигурой был Антонио Угарте-и-Ларрасабаль, 46-летний уроженец Бискайи. Он был опытным бюрократом и до войны служил в одном из департаментов Королевского Финансового совета⁹. Угарте, известный адвокат, управлял собственной юридической конторой, разбиравшей налоговые тяжбы и «жил счастливо, независимо, в достатке и спокойствии, и все потерял в одночасье в 1808 году» [Ortíz de la Torre, 1934: 241]. Судя по всему, в начале ноября 1808 г., после отъезда из Мадрида повстанческого правительства, Центральной хунты, Угарте стал тайным агентом инсургентов; некоторые его отчеты о перемещении французских войск сохранились¹⁰. В то же время, он благополучно сосуществовал с французскими властями и не вызывал у них подозрения. Трудно сказать, когда именно он свел знакомство с российскими дипломатами – состоялось ли оно еще при Г.А. Строганове или позже¹¹. Из-

⁷ Н.И. Румянцев – П.О. Моренгейму. Великие Луки. 8.07.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 111.

⁸ Ignacio de la Pezuela a Francisco de Zea Bermúdez. Cádiz. 14.10.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 65, 98.

⁹ Сведения о его службе посольным не подтверждаются документами и, скорее всего, являются вымыслом его недоброжелателей [Urquijo Goitia, 2013].

¹⁰ Partes de los movimientos y operaciones del ejército francés dados por jefes militares encargados de ello y por informadores particulares. Antonio Ugarte y Larrazábal, comisionado en Madrid. En Archivo Histórico Nacional (AHN) Fondo DIVERSOS-COLECCIONES, Leg. 97, Exp. 15.

¹¹ В испанской историографии существует мнение о том, что именно Строганов привлек Угарте к сотрудничеству, «доверив ему свое имущество при отъезде» [Ortíz de la Torre, 1934: 9; Eggers, Feune de Colombi, 1958: 41]. Часть архива – приложения к донесениям Строганова с 1805 по 13 марта 1808 гг. и переписка по поводу нападения на российское посольство 14 октября 1808 г. – была передана на хранение австрийскому посланнику. АВПРИ.

вестно, что он попал «в поле зрения» российской миссии по рекомендации члена дипломатического корпуса – представителя Дании, на 1812 г. союзной Франции державы¹². Он доверил Угарте хранение посольского имущества и архивов. Моренгейм в письме Румянцеву в конце июля 1812 г. ссылаясь именно на этот факт¹³. С официальной точки зрения, российский дипломат оставлял посольские дела испанцу, известному французским властям в качестве доверенного лица дружественной державы и тем самым подтверждал свою благонамеренность в отношении правительства «короля-самозванца».

Моренгейм знал о том, что Угарте был секретным агентом повстанцев. В 1812 г. имя испанца уже было известно в Петербурге благодаря Франсиско де Сеа Бермудесу (Francisco Ceá Bermúdez, 1779 – 1850), представителю Регентского совета, который с 1810 г. вел переговоры с российскими политиками о заключении союзного договора (и подписал его с испанской стороны 8 июля 1812 г.). Именно Угарте, пользуясь своими связями в «офранцузенном» правительстве, раздобыл для Сеа проездные документы, позволившие ему уехать из Испании в Россию [Eggers, Feune de Colombi, 1958: 41; Schop Soler, 1984: 115]. Во время второй своей поездки в Петербург Сеа рекомендовал Угарте как «человека уважаемого и достойного доверия», о чем свидетельствует записка неизвестного автора, приложенная к письму Моренгейма¹⁴ – тому самому письму, в котором российский поверенный в делах уведомлял Н.И. Румянцева о своем отъезде и распоряжениях. Уезжая, Моренгейм оставил испанцу пакет с письмами для переправки в Россию через англичан, «адъютантов Веллингтона», именно его передал Сеа для Румянцева вместе с лестным отзывом об Угарте. Также он сообщал, что в его отсутствие Угарте будет информировать канцлера «обо всем, что достойно Вашего внимания касательно служебных интересов»¹⁵.

Итак, Моренгейм предоставил Угарте широкие полномочия. Испанский агент должен был следить за соблюдением экстерриториальности резиденции – на воротах и на доме сохранялся герб Российской империи. Посольскую документацию Моренгейм разделил на две части. Он увез с собой «шифры и текущий архив», то есть актуальную корреспонденцию, а «старый архив» остался на попечении Угарте¹⁶. Документы и имущество миссии должны были храниться в посольской резиденции, и, пока они находились там, аренда дома должна была выплачиваться. 7 сентября 1812 г. российский дипломат уведомил Угарте о своем возможном отъезде во Францию и поручил

Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7580. Л.139 об. Утверждение Эггера и Коломби, что в 1810 г. Угарте передавал для Строганова письмо [Eggers, Feune de Colombi, 1958: 41], пока не подтвердились.

¹² Дания разорвет дипломатические отношения с Первой империей в 1814 г.

¹³ П.О. Моренгейм – Н.И. Румянцеву. Мадрид. 28.07/9.08.1812. // АВПРИ. Ф.133(Канцелярия). Оп. 468. Д. 7528. Л. 225 об. [Неизвестные корреспонденты]. Б.м, б.д. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7528. Л. 227.

¹⁵ П.О. Моренгейм – Н.И. Румянцеву. Мадрид. 28.07/9.08.1812. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7528. Л. 225 об.

¹⁶ Там же.

чил ему, выбрав удобное время и без спешки, распродать часть посольского имущества (мебель, ковры, кухонную утварь)¹⁷ и использовать деньги по своему усмотрению.

Осторожный Угарте не спешил. Он запросил инструкций Регентского совета только 15 сентября 1812 г., то есть тогда, когда в Мадрид пришли официальные известия о заключении российско-испанского договора, а столицу контролировала англо-испанская армия. Теперь его положение было противоречивым: он был доверенным лицом России, дружественной державы, и одновременно агентом Дании и Пруссии, враждебных восставшей Испании государств. Угарте сообщал первому государственному секретарю Педро Лабрадору (Pedro Gómez Labrador, 1772 – 1850), что собирается действовать осмотрительно, чтобы не нанести ущерб российско-испанским отношениям и не привлекать внимание к российской резиденции¹⁸. Он просил и получил санкцию Регентства на сообщение в Петербург сведений об испанской политике. В начале октября 1812 г. Лабрадор одобрил все действия Угарте.

Помимо А. Угарте, после отъезда П.О. Моренгейма от имени российского поверенного в делах стал действовать Генрих Юлий Валленштейн, молодой силезец (около 22 лет), который в составе французской армии оказался в Испании и около 1810 г. буквально «прибился» к российской миссии [Сokolov, Ещенко, 2017b: 172–173]. Никакого официального статуса у него не было: в штате посольства он не состоял. Однако уже в августе 1812 г. Валленштейн, пользуясь связями в английской армии, стал отсылать объемные отчеты в Петербург, в которых содержалась военные и политические сведения об испанских делах, свидетельствовавшие о его незаурядной энергии, наблюдательности и коммуникабельности. В мае 1813 г. он сумел раздобыть бумаги Лафорэ, французского посла в Испании¹⁹.

Скорее всего, Валленштейн остался в Испании с ведома Моренгейма. Однако российский поверенный в делах, не желая компрометировать свое положение, не считал возможным снабдить его официальными документами, подтверждающими причастность к российскому посольству. Так что Валленштейну пришлось буквально самоутверждаться, что было и нелегко, и рискованно. Бумага, которую он предъявлял представителям Регентства и английским военным в доказательство своих полномочий, выглядела сомнительно. Это была копия письма Моренгейма с приказом оставаться в Мадриде, удостоверяющего его положение в качестве личного секретаря российского поверенного в делах и полномочия по защите «привилегий резиденции»²⁰. Оригинал письма пока не обнаружен, а копия (если это копия)

¹⁷ Pável Mohrenheim a Antonio Ugarte. Valencia. 7.09.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 25.

¹⁸ Antonio Ugarte al Ministro de Estado. Madrid. 15.09.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 19.

¹⁹ Ю.А. Валленштейн – Н.И. Румянцеву. Кадис. 5/17.05.1813. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7532. Л. 98 об.

²⁰ П.О. Моренгейм – Ю.А. Валленштейну. Мадрид. 28.07/09.08.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 85.

сделана почерком Валленштейна. Для пущей важности изобретательный агент, подписываясь, добавлял к своей «основной» секретарской должности звание «члена Королевской Академии Истории в Мадриде»²¹.

И все же документы позволяют утверждать, что Моренгейм действительно поручил своему «личному секретарю» сбор информации и, при удобном случае, передачу ее российскому правительству – через англичан или через кадисские власти. Он оставил Валленштейну свой личный шифр, и в мае 1813 г. Валленштейн воспользовался им в письме к Румянцеву в качестве доказательства доверия Моренгейма²². Будучи в Валенсии, российский поверенный переписывался со своим мадридским агентом: так, в сентябре 1812 г. Валленштейн знал, что «его шеф» отправил почту из Валенсии российскому консулу в Аликанте²³. Российское правительство признает и поощрит усилия своего «секретаря испанского посольства» только весной 1813 г.: Румянцев пообещает оставить Валленштейна на службе после прибытия в Мадрид нового российского полномочного посла Д.П. Татищева²⁴. К тому времени российский агент отсылал свои отчеты в Лондон российскому послу Х.А. Ливену (а через него – Татищеву, получившему назначение в Испанию и с сентября 1812 г. находившемуся в Лондоне)²⁵, и в Лиссабон, на имя А.Я. Дубачевского (не зная, вероятно, что тот уже служил в Лондоне)²⁶. Валленштейн, несомненно, был хорошо осведомлен об официальных контактах российской миссии в Испании и сумел ими воспользоваться.

Валленштейн страстно желал попасть на российскую службу и стремился убедить в своей полезности Румянцева. При этом молодой человек не гнушался выдавать желаемое за действительное и уверял российского канцлера, что действует в качестве «личного секретаря барона Моренгейма, каковой, уезжая из Мадрида, приказал мне остаться здесь для сохранения архива и имущества миссии и защиты, в случае необходимости, привилегий, связанных с их местонахождением»²⁷.

Создавалась двусмысленная ситуация: Валленштейн претендовал на полномочия Угарте, официально подтвержденные и в России, и в Испании. Конфликт интересов быстро проявился, ведь нужно было переправить корреспонденцию Моренгейма в Петербург, а для этого нужна была помощь Веллингтона. Каждый из агентов решил воспользоваться ситуацией, чтобы настоять на своем первенстве. Но результат оказался курьезным: Угарте, видимо, решил перестраховаться и не стал общаться с англичанами. Он

²¹ Yuli Wallenstein a Pedro Labrador. Madrid. 14/26.11.1812. // АНН. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 89.

²² Ю.А. Валленштейн – Н.И. Румянцеву. Кадис. 5/17.05.1813. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7530. Л. 428 об. -429.

²³ Ю.А. Валленштейн – Н.И. Румянцеву. Мадрид. 12/24.10.1812. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7530. Л. 376.

²⁴ Ю.А. Валленштейн – Н.И. Румянцеву. Кадис. 5/17.05.1813. // АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7532. Л. 98.

²⁵ Ю.А. Валленштейн – Х.И. Ливену. Аликанте. 16/28.02.1813. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7537. Л. 33.

²⁶ Ю.А. Валленштейн – Н.И. Румянцеву. Кадис. 5/17.05.1813. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7532. Л. 100.

²⁷ Ю.А. Валленштейн – Н.И. Румянцеву. Мадрид. 7/19.08.1812. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7530. Л. 2 об.

передал пакет Моренгейма Валленштейну. Тот, представившись секретарем российского посольства, добился аудиенции английского военачальника, и Веллингтон согласился отправить российскую посольскую почту «со своим адъютантом через Лондон для вручения Николаи, российскому послу в Стокгольме»²⁸.

А. Угарте, вероятно, это устраивало: он не дезавуировал свое противоречивое положение; кроме того, формальное известие о союзе с Россией еще не поступило. Однако контроль над положением испанец терять не хотел, и, видимо, написал Ф. де Сеа Бермудесу о том, что у него в Мадриде есть соперник. Письмо ушло в Петербург вместе с пакетом Моренгейма; его содержание резюмировала та самая записка с лестным отзывом об Угарте. В нем говорилось: «некий г-н Жюль, служивший г-ну Моренгейму, – ... человек, которому не следует доверять; он способен скомпрометировать Министерство»²⁹. Так испанец, с одной стороны, использовал Валленштейна, а с другой – дискредитировал его в российском МИДе.

Однако результаты встречи с Веллингтоном явно воодушевили Валленштейна, и он попытался подорвать доверие к своему испанскому сопернику. В письме Румянцеву Валленштейн доказывал, что сведения, полученные из разных источников, дадут более полную картину событий в Испании, и поэтому сведения Угарте разумно дополнить его собственными. Более того, наблюдения испанца, «движимого представлениями если не непохвальными, то, по крайней мере, извинительными, могут не просто представить факты в ложном свете, но и изменить их до неузнаваемости»³⁰. Словом, испанец предвзят, и сведения его ненадежны, то ли дело – информация Валленштейна, пусть иностранца, но ревностного слуги российского императора.

Силезец напрасно волновался. Угарте не мешал ему отправлять рапорты в Россию. Получалось своеобразное «разделение труда». Угарте выступал в качестве российского дипломатического агента, но агентурные сведения поставлял в Россию Валленштейн.

В то же время отъезд российского представителя из столицы вместе с французским двором компрометировал и Моренгейма, и Валленштейна. Военный губернатор Карлос де Эспанья с подозрением воспринял просьбу Валленштейна о передаче ему бумаг, присланных из Кадиса в Мадрид на имя Моренгейма, и свел беседу с российским агентом к обсуждению отсутствия российского поверенного в занятой патриотами столице³¹. В декабре 1812 г. государственный секретарь Регентского совета Педро Лабрадор заметил, что «есть веские основания подозревать его /Валленштейна – Е.Ю./ в сочувствии к нашим врагам»³².

²⁸ Ю.А. Валленштейн – Н.И. Румянцеву. Мадрид 7/19.08.1812. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7530. Л. 9.

²⁹ [Неизвестные корреспонденты]. Б.м, б.д. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7528. Л. 227.

³⁰ Ю.А. Валленштейн – Н.И. Румянцеву. Мадрид. 8/20.08.1812. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7530. Л. 23.

³¹ Ю.А. Валленштейн – Н.И. Румянцеву. Мадрид. 7/19.09.1812. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7530. Л. 195-200.

³² Pedro Labrador al Gobernador militar de Alicante. Cádiz. 6.12.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 92.

Финансовое положение агента тоже было шатким. Моренгейм платил ему из своих, то есть посольских, средств; просьбы в Петербург о «распоряжениях, способных улучшить пребывание», остались без ответа³³. Судя по письмам Валленштейна, деньги он умел добывать, но их источники не афишировал.

Угарте решил воспользоваться уязвимостью российского агента, чтобы утвердить свою монополию на ведение «дел российского посольства». Предоставив Валленштейну сбор и отправку агентурных сведений и общение с английскими военными властями, испанец бдительно следил за его деятельностью. Угарте не допустил «секретаря» к делам, связанным с резиденцией – соблюдением ее экстерриториальности, решением имущественных проблем и хранению архива. Уже в октябре 1812 г. агентурная активность Валленштейна стала раздражать испанца, и он решил положить ей конец, воспользовавшись осложнениями в военной обстановке.

21 октября Веллингтон потерпел поражение в битве при Бургосе, и французская армия наступала на Мадрид. 23 октября Угарте решил уехать из города вместе с испанскими властями. Вещи из вверенной ему российской резиденции он перенес к себе, но герб с дома не снял, рассчитывая, что французы долго в столице не задержатся. Угарте распродал имущество посольства «как своё», а вырученные средства использовал, чтобы оплатить аренду резиденции и – оплачивать расходы Валленштейна. Испанец выделил российскому агенту содержание в 20 реалов в сутки, сославшись на то, что Моренгейм просил распоряжаться доходом от продажи посольской собственности «по своему усмотрению»³⁴.

Угарте стремился не привлекать внимания к состоянию российской миссии в Мадриде, чтобы не осложнять свое положение в изменчивой военной обстановке и не спровоцировать враждебные действия жителей столицы по отношению к резиденции представителей Российской империи. Дело в том, что образ России-союзника еще не устоялся в испанском общественном мнении. Память о нападении на российское посольство в 1808 г. была жива. Отъезд Моренгейма в июле 1812 г. вызвал «некоторое возбуждение», которое насторожило и Угарте, и Валленштейна. В октябре французы распускали слухи о том, что Россия скоро заключит мир с Францией, и Угарте всерьез опасался за судьбу посольского дома и его содержимого³⁵.

Трудно сказать, чем на самом деле руководствовался испанец, решив уехать из Мадрида, – соображениями собственной безопасности или стремлением поддержать российско-испанский альянс³⁶. Как бы то ни было,

³³ Ю.А. Валленштейн – Н.И. Румянцеву. Мадрид. 8/20.09.1812. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7530. Л. 202-202 об.

³⁴ Antonio Ugarte a Pedro Labrador. Madrid. 24.11.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 38.

³⁵ Antonio Ugarte a Pedro Labrador. Madrid. 24.11.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 29, 36-37; Ю.А. Валленштейн – Н.И. Румянцеву. Мадрид. 7/19.08.1812. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7530. Л. 3-3 об.

³⁶ Antonio Ugarte a Pedro Labrador. Madrid. 24.11.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 35.

30 октября он покинул столицу и в начале ноября оказался в Касересе, благо проездные документы имелись. Российский архив он повез с собой. В отчете Регентскому совету Угарте подчеркнул, что сохранность документов была его приоритетом (уехал, «дабы избежать захвата бумаг русского посольства, дабы государственные секреты России не попали в руки врага»), и тем самым он стремился «сослужить великую службу своему отечеству»³⁷.

Интересы России были для него явно на втором месте. Воспользовавшись военной неопределенностью, испанец «увез с собой» Валленштейна, чтобы тот «не разговаривал с французами о том, что ему известно»³⁸. Так Угарте объяснил свой поступок в отчете Регентскому совету. Угарте дал российскому агенту убийственную характеристику: «никакой он не секретарь русской миссии», «у него нет никаких полномочий»³⁹, «чересчур своенравный и любезный», «склонный к притворству», «много себе позволяющий» молодой человек⁴⁰. Валленштейн, писал он, – «это шпион среди нас, который пишет в Россию все, что вздумается, и сеет недоверие к нашему правительству и армии»⁴¹. Его сведения ненадежны: «он все переписывает из газет», которые получает из Мадрида через знакомых⁴². Российский агент, репутация которого держалась на волоске, был серьезно дискредитирован в глазах союзников, на поддержку которых он рассчитывал.

В начале ноября Угарте и Валленштейн вернулись в столицу, поддавшись ложным слухам о том, что французы оставили город. Угарте сумел скрыть свое сотрудничество с российским посольством, представляясь теперь доверенным лицом Дании. Положение Валленштейна стало опасным, и Угарте уговорил его отправиться в Аликанте и оттуда уехать из страны. Испанец снабдил российского агента деньгами и документами и буквально выпроводил его из Мадрида. Оporочив Валленштейна в отчете Регентству, он просил Лабрадора выслать в Аликанте паспорт с тем, чтобы молодой человек как можно быстрее отправился в Лондон или в Россию⁴³. Угарте явно стремился избавиться от Валленштейна, ведь деятельность российского агента в Мадриде могла бросить тень и на него.

Российский агент добрался до Аликанте к 17 ноября 1812 г., но уезжать явно не собирался, благо и предлог нашелся – выездные документы затерялись, и нужно было ждать дубликат. Его поведение серьезно беспокоило губернатора порта, которого обязали следить за «так называемым секретарем», «не позволяя ему делать ничего сверх необходимого для путешествия

³⁷ Ibidem.

³⁸ Antonio Ugarte a Pedro Labrador. Madrid. 24.11.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 37-38.

³⁹ [Неизвестные корреспонденты. Кадис. 1814] // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 43.

⁴⁰ Antonio Ugarte a Pedro Labrador. Madrid. 24.11.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 38.

⁴¹ Antonio Ugarte a Pedro Labrador. Madrid. 24.11.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 39.

⁴² Antonio Ugarte a Pedro Labrador. Madrid. 24.11.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 40.

⁴³ Antonio Ugarte a Pedro Labrador. Madrid. 24.11.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 39-40.

в Россию»⁴⁴. Валленштейн осел в доме российского консула, активно общался с английскими офицерами и «поносил французов»⁴⁵. Регентский совет не торопил его с отъездом, не желая портить отношения с Россией. И Валленштейн не уехал из Испании, и в течение 1813 г., когда военные действия постепенно перемещались на север Испании, курсировал между Аликанте, Кадисом и Мадридом, собирая разведывательную информацию⁴⁶.

Весной 1813 г. ему представился случай «отомстить» Угарте за клевету. Валленштейн сообщил поверенному в делах Дании, что осенью 1812 г. Угарте нарушил свои обязанности, передав архив датской миссии в архив испанского Государственного совета и допустив просмотр документов. Имущество посольства Угарте распродал. Датский представитель пожаловался первому министру правительства Жозефа Бонапарта и после скандала вернул архив. Угарте, как всегда, сумел вывернуться, сославшись на свое неведение⁴⁷.

Прибытие полномочного посла России Д.П. Татищева в Мадрид в сентябре 1814 г. положило конец соперничеству Валленштейна и Угарте. Каждый из них занял «подобающее» место в кругу российского посла. Угарте сдал свои полномочия, вернул архив и предложил свои услуги в качестве проводника в придворное общество Фердинанда VII, которыми Татищев воспользовался и высоко оценил⁴⁸. Валленштейн наконец получил должность переводчика при российской миссии в Мадриде «сверх штата» [Соколов, Ещенко, 2017b: 172]. Он будет считать Татищева «своим благодетелем»⁴⁹, хотя на первых порах попытается найти другое место службы «либо в Италии, либо в Германии, либо в Польше»⁵⁰.

Взаимоотношения российских дипломатов с Антонио Угарте, а через него – с Регентским советом, в 1812 – 1813 гг. определялись военной обстановкой, двоевластием, сохранявшимся на территории Испании, и, разумеется, изменением международного статуса России после начала «русского похода» и заключения Великолукского договора. Дипломатия развивалась в динамичных условиях, и ее действующие лица были вынуждены адаптироваться к чрезвычайной ситуации, проявляя изобретательность и готовность к риску. Моренгейм, оказавшись заложником французов, сумел обеспечить соблюдение российских интересов в Испании. Он воспользовался

⁴⁴ [Неизвестные корреспонденты. Кадис. 1814]; Pedro Labrador al Gobernador militar de Alicante. Cádiz. 6.12.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 43, 93.

⁴⁵ Gobernador militar de Alicante al Ministro de Estado. Ministro de Estado al Gobernador militar de Alicante. Cadiz. 27.01.1813. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 79-80.

⁴⁶ Ю.А. Валленштейн – Х.И. Ливену. Аликанте. 16/28.02.1813. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7537. Л. 33.

⁴⁷ Antonio Ugarte a Pedro Labrador. Madrid. 8.06.1813. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 4-6.

⁴⁸ Д.П. Татищев – К.В. Нессельроде. Мадрид. 30.09/12.10.1814. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7539. Л. 118 об.

⁴⁹ Ю.А. Валленштейн – Д.П. Татищеву. Мадрид. 18/30.12.1817. // Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки (Санкт-Петербург). (ОР РНБ). Фонд 762 (Д.П. Татищев). Д. 50. Л. 1.

⁵⁰ Ю.А. Валленштейн – А.И. Чернышеву. Мадрид. 30.07.1815. // Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки (Санкт-Петербург). (ОР РНБ). Фонд 836 (А.И. Чернышев). Ед. хранения 36. Л. 5.

двойственным положением ловкого Угарте, поручив ему официальную сторону дел, и уравновесил влияние испанца, доверив активному Валленштейну сбор разведывательных данных. Угарте достойно выполнил свои обязанности, хотя ориентировался исключительно на цели испанской политики. Именно поэтому он стремился контролировать Валленштейна и тем самым – информацию, поступавшую из Испании в Петербург. Российский агент сумел отстоять свою независимость. Соперничество Угарте и Валленштейна было неизбежно, учитывая честолюбие и склонность к интриганству, свойственные им обоим. Вместе с тем, российские дипломаты и их испанские визави действовали в рамках союза между двумя державами, таким образом испытав его на прочность.

Список литературы:

Волосюк О.В. (2014) Россия и Испания в первой трети XIX века. *История Испании. Т.2. От войны за испанское наследство до начала XXI века*. Под ред. О.В. Волосюк, М.А. Липкин, Е.Э. Юрчик. Индрик, Москва. С. 271-293.

Додолев М.А. (1984) *Россия и Испания 1808-1823*. Наука, Москва. 268 с.

Соколов О.В., Ещенко А.О. (2017а) Неизвестная страница истории российской дипломатии. Деятельность П.О. Моренгейма в Испании короля Жозефа Бонапарта. *Клио*. № 4. С. 157-165.

Соколов О.В., Ещенко А.О. (2017b) Российская дипломатия в Испании в 1812 году, или немецкий «Хлестаков». *Клио*. № 5. С. 171-179.

Юрчик Е.Э. (2017) Нападение на российское посольство в Мадриде 14 октября 1808 г. и отъезд Г.А. Строганова из Испании. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. Т. 8, № 10(64). URL: <https://history.jes.su/s207987840001974-0-1/> (accessed: 20.01.2022). DOI: 10.18254/S0001974-0-1

Юрчик Е.Э. (2018) Россия и Испания в эпоху наполеоновских войн. *Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений. España y Rusia: diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones*. Под ред. О.В. Волосюк. Индрик, Москва. С. 151-160.

Bustos S. (2017) Un intrigante en palacio: apuntes sobre Antonio Ugarte, consejero de Fernando VII. *La Historia, ¿Lost in translation? Actas del XIII Congreso de la Asociación de Historia Contemporánea*. Ed. por Damián Alberto González Madrid, Manuel Ortiz Heras, Juan Sisinio Pérez Garzón. Ediciones de la Universidad de Castilla-La Mancha, Cuenca, España. P. 215-222. URL: <https://dialnet.unirioja.es/descarga/libro/711899.pdf> (accessed: 20.01.2022).

Eggers E., Feune de Colombi E. (1958) *Francisco de Zea Bermúdez y su época 1779-1850*. CSIC, Madrid, España. 196 p.

La Parra López E. (2018) *Fernando VII. Un rey deseado y detestado*. Tusquets Editores, Barcelona, España. 745 p.

Ortiz de la Torre E. (1934) Papeles de Ugarte. Documentos para la historia de Fernando VII. *Boletín de la Biblioteca de Menéndez Pelayo*. Año XVI, № 1. P. 8-32, 27-143, 217-245.

Schop Soler A.M. (1984) *Un siglo de relaciones diplomáticas y comerciales entre España y Rusia 1733-1833*. Ministerio de Asuntos Exteriores, Madrid, España. 520 p.

Urquijo Goitia J.R. (2013) Antonio Ugarte y Larrazábal. *Diccionario biográfico español*. Vol. XLVIII. Real Academia de la Historia. URL: <https://dbe.rah.es/biografias/4242/antonio-ugarte-y-larrazabal> (accessed: 20.01.2022).

References:

Bustos S. (2017) Un intrigante en palacio: apuntes sobre Antonio Ugarte, consejero de Fernando VII, en Damián Alberto González Madrid, Manuel Ortiz Heras, Juan Sisínio Pérez Garzón (ed.) *La Historia, ¿Lost in translation? Actas del XIII Congreso de la Asociación de Historia Contemporánea*, Ediciones de la Universidad de Castilla-La Mancha, Cuenca, España, pp. 215-222. URL: <https://dialnet.unirioja.es/descarga/libro/711899.pdf> (accessed: 20.01.2022).

Dodolev M.A. Rossiya i Ispaniya 1808-1823 [Russia and Spain in 1808-1823], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)

Eggers E., Feune de Colombi E. (1958) *Francisco de Zea Bermúdez y su época 1779-1850*, CSIC, Madrid, España.

La Parra López E. (2018) *Fernando VII. Un rey deseado y detestado*, Tusquets Editores, Barcelona, España.

Ortiz de la Torre E. (1934) Papeles de Ugarte. Documentos para la historia de Fernando VII, *Boletín de la Biblioteca de Menéndez Pelayo*, año XVI, no. 1, pp 8-32, 27-143, 217-245.

Schop Soler A.M. (1984) *Un siglo de relaciones diplomáticas y comerciales entre España y Rusia 1733-1833*, Ministerio de Asuntos Exteriores, Madrid, España.

Sokolov O.V., Eschenko A.O. (2017a) Neizvestnaya stranitsa istorii rossiiskoi diplomatii. Deyatel'nost' P.O. Morengeima v Ispanii korolya Zhozefa Bonaparta. [The unknown page in the history of Russian diplomacy. The activity of Mohrenheim in Spain of the king Josef], *Klio*, no. 4, pp. 157-165. (In Russian)

Sokolov O.V., Eschenko A.O. (2017b) Rossiiskaya diplomatiya v Ispanii v 1812 godu, ili nemetskii «Khlestakov» [Russian diplomacy in Spain in 1812 or German “Khlestakov”], *Klio*, no. 5, pp. 171-179. (In Russian)

Urquijo Goitia J.R. (2013) Antonio Ugarte y Larrazábal, *Diccionario biográfico español*. Vol. XLVIII, Real Academia de la Historia. URL: <https://dbe.rah.es/biografias/4242/antonio-ugarte-y-larrazabal> (accessed: 20.01.2022).

Volosyuk O.V. (2014) Rossiya i Ispaniya v pervoi treti XIX veka [Russia and Spain in the first third of the XIX century] en Volosyuk O.V., Lipkin M.A., Yurchik E.E. (ed.) *Istoriya Ispanii*. T.2. Ot voyny za ispanskoe nasledstvo do nachala XXI veka [History of Spain. Vol.2. From the War of the Spanish Succession till the beginning of the XXI century], Indrik, Moscow, Russia, pp. 271-293. (In Russian)

Yurchik E.E. (2017) Napadenie na rossiiskoe posol'stvo v Madride 14 oktyabrya 1808 g. i ot'ezd G.A. Stroganova iz Ispanii [The Attack on the Russian Mission in Madrid on the 14th October 1808 and G. Stroganov's Departure from Spain], *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya»*, vol. 8, no. 10(64). DOI: 10.18254/S0001974-0-1 (In Russian)

Yurchik E.E. (2018) Rossiya i Ispaniya v epokhu napoleonovskikh voyn [Russia and Spain during the epoch of Napoleonic Wars], en Volosyuk O.V. (ed.) *España y Rusia: diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones*, Indrik, Moscow, Russia, pp. 151-160. (In Russian)